

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 406-416
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.406

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Migration Movement to Siberia at the end of XIX – beginning of XX centuries (based on Reports of Governors Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, b, *}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Daria N. Nesterenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Center Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The study of migration as a historical phenomenon contributes to the preservation of historical continuity and the use of accumulated experience to ensure State security. The aim of the study is to determine the attitude of state authorities to migration in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, which at that time was called resettlement, using the example of the Yenisei province. The research is based on archival materials, historical documents and published statistical data. The methodological basis includes the theory of agrarian colonization (D.N. Belyanin), it takes into account the identified causes of the migration movement of peasants of European Russia to Siberia. Chronological stages of migration policy in relation to the Yenisei province were identified by the problem-chronological method: administrative up to 1889; legislative up to 1892; regional up to 1917. Migration flows in the Yenisei province, their interrelation with socio-political and economic-industrial factors, as well as the role of local authorities in the resettlement process were considered within the framework of a historical and systematic approach. The reasons for the administrative and organizational lack of collection and analysis of information about immigrants until the mid-1890s were the following factors. The first is the relatively small number of immigrants to the Yenisei province and the vast expanses of land suitable for economic activity. The second is the lack of relevant regulatory requirements before 1893. Only at the beginning of XX century the governors began to indicate in their annual All-submitted reports generalized data on the population. Even unauthorized migrants were provided with land plots and received support from local authorities. The province was interested in increasing the peasant population, which, as a result, was supposed to contribute to the economic development of the region. However, the increasing flow of migrants provoked a number of difficulties: the uneven distribution of peasants, which was accompanied by oppression in the most fertile districts and the abandonment of traditional land use for old-timers. The emergence of settlements that are remote from logistics routes actualizes the issues of providing schools, hospitals, shops and churches. The adoption of various measures by the local authorities was aimed at reducing return migration and helping to acquire a strong household.

Keywords: migration, resettlement to Siberia, settlement, resettlement work, reports of governors, Yenisei province.

1. Введение

В настоящее время проблема миграции обретает значение для научного исследования в области социально-гуманитарного знания. Подходы истории, социологии и исследований

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

безопасности актуализируют миграционные процессы в качестве неотъемлемого элемента человеческого культурного поведения и общественного явления. Исследования межрегиональной миграции встречаются редко и часто концентрируются на заселении территорий (Piezonka et al., 2020), в частности Сибири. Сибирь, являясь крупнейшим макрорегионом России, обладает спецификой экономико-территориального положения, которая обозначилась еще в XIX в. На обширной территории располагаются огромные сырьевые ресурсы, которые позволяют организовать промышленное производство на месте. Трудности представляют отдаленность от логистических путей и рынков сбыта продукции, а также малонаселенность и миграция в пределах основной зоны расселения (южные территории).

Ключевым этапом освоения Сибири стали миграционные потоки в конце XIX – начале XX вв., которые проходили сначала самовольно, а после получили законодательное и институциональное регулирование. Согласно уточнениям закона от 13.07.1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» с 1892 г. земли Енисейской губернии вошли в зону его действия. Данная территория при относительной малочисленности (около 500 тыс. чел.) населения обладала обширными таежными и лесостепными полосами, в том числе пригодными для различного рода хозяйственной деятельности (2,4 млн. км²). Иностранческое население составляло не более 10 %, проживало на севере региона и занималось преимущественно оленеводством, собирательством и рыбным промыслом. Переселенцы из Центральной России получали возможность заниматься сельским хозяйством в достаточно приемлемых климатических, природных и социальных условиях. Строительство Сибирской железной дороги и деятельность профильного Комитета способствовали увеличению миграционного потока и, как следствие, экономическому и промышленному развитию территории.

Значимым историографическим источником, позволяющим реконструировать миграционные потоки, их происхождение и территории, с которых прибывали переселенцы, являются ежегодные Всеподданнейшие отчеты губернаторов. Они представляют собой систему статистических данных, аналитических и обзорных материалов, а также мнений и предложений управленческого аппарата за подписью губернатора на имя императора. Енисейские губернаторы направляли свои отчеты Иркутскому военному генерал-губернатору. К отчетам прилагался Статистический обзор, содержащий распределенную по разделам информацию. Так, Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 г. содержит следующие главы: естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность населения; подати и повинности; общественное устройство и благочиние; народное здравие и общественное призрение; народное образование, а также движение переселения и образование переселенческих участков, образование из казенных земель переселенческих и запасных участков. Отдельной ведомостью приведены сведения о движении населения (Статистический обзор..., 1898).

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования являлись архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Государственном архиве Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация) и Центральном государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В их число входят протоколы заседаний Енисейского переселенческого районного управления, циркуляры Енисейского губернатора, заведующего переселением и землеустройством Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 262), посемейные списки, сведения о семейном и имущественном положении переселенцев, строительстве церквей, школ, врачебных пунктов в переселенческих поселках (ГАКК. Ф. 476), а также переписка заведующих переселением и землеустройством в Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 217). Ключевыми источниками стали Отчеты губернаторов Енисейской губернии и Статистические обзоры Енисейской губернии, распознанные и опубликованные на платформе краудсорсинговой транскрипции исторических документов «From The Page». Реконструкция правового поля миграции и связанных с ней административно-хозяйственных процессов опиралась на опубликованные нормативные и законодательные акты Полного собрания законов Российской империи, а также на информационные бюллетени для переселенцев и отчеты по переселению и землеустройству.

2.2. Миграционная политика государства в конце XIX – начале XX вв. рассматривалась теорией аграрной колонизации Д.Н. Белянина. Согласно ей переселение провоцировалось обезземеливанием крестьянства, кризисом экстенсивной трехпольной системы, передельно-уравнительными внутриобщинными механизмами (Белянин, 2014). Проблемно-хронологический метод позволил выявить ключевые вопросы переселения по мере их появления и обозначить этапы переселенческой политики на территории Енисейской губернии: административный – до 1889 г.; законодательный – до 1892 г.; региональный – до 1917 г. Историко-системным подходом исследовались миграционные потоки в Енисейскую губернию во взаимосвязи с социально-политическими и экономико-промышленными факторами, выявлялись социокультурные предпосылки, мотивирующие переселенческий выбор, и характеризовалась специфика регулирования местной властью,

Енисейским переселенческим районным управлением. Историко-генетическим подходом выявлялись истоки и закономерности развития переселенческого движения в Енисейскую губернию в конце XIX – начале XX вв. Определение влияния характера переселенческого движения на государственную политику и действия местных органов осуществлялось идиографическим методом.

Помимо специально-исторических методов, применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, позволившие проанализировать противоречивость и многоаспектность межрегиональной миграции, сформировать промежуточные и итоговые выводы.

3. Обсуждение

Миграция (в пер. с лат. – «переселение») – это перемещение людей или социальных групп по территории внутри страны (внутренняя) и между различными государствами (внешняя), обусловленное факторами выталкивания (негативными) места проживания и притяжения (конструктивными) места назначения. Изучение миграции как сложного социального явления, на которое влияют экономические, политические, историко-культурные и географические факторы, представлено в современных исследованиях безопасности (Emmers, 2019). Миграционной политикой секьюритизация миграции определяется совокупностью механизмов и действий, в основе которых лежит понимание того, что мигранты представляют собой угрозу безопасности (Balzacq, 2008). Способность социальных, экономических, политических и административных институтов интегрировать большое количество мигрантов влияет на стабильность общества и, следовательно, на способность правительств принимающих регионов управлять территорией (Heisler, Layton-Henry, 1993). Отдельно специалистами отмечаются взаимосвязь миграции и продовольственной безопасности (Demont, 2022). М.А. Троянская объясняет сопутствующие миграции проблемы, связанные с нагрузкой на социальную и инфраструктурную сферы, демографическими изменениями в принимающем регионе. Она обозначает и конструктивную сторону, заключающуюся в импорте трудовых ресурсов, который обеспечивает решение проблемы освоения и дефицита кадров (Троянская, 2021). Э. Фусселл подчеркивает методологические трудности исследования детерминантов миграции по причинам нахождения ее между добровольным и вынужденным переселением, противоречивостью источников данных (регистры и переписи населения, опросы и обследования) (Fussell et al., 2014).

Тема крестьянских переселений как самовольных, так и в рамках проведения государственной аграрной политики рассмотрена достаточно подробно. В дореволюционной историографии переселение крестьян в Сибирь рассматривалось преимущественно в контексте экономических девиаций, обусловленных проблемами в земледелии. А.А. Кауфман, подчеркивая относительность трактовки малоземелья применительно к различным территориям империи, указывал, что именно сравнительное или относительное малоземелье толкает к переселению (Кауфман, 1905: 179-193). В. Клумберг отмечал, что кризис провоцировался не столько недостатком земли, сколько низким агротехническим уровнем крестьянских хозяйств, подтверждением чего, по его мнению, явился большой отток из Сибири переселенцев в 1909 г., которые не смогли изменить свой уклад землепользования (Klumberg, 1914). После затишья в XX в. проблематика миграционных процессов внутри империи конца XIX – начала XX вв. актуализировалась в постсоветский период (Чуркин, 2014).

В отличие от имперского периода, в котором термин «колонизация» использовался в информационных и публицистических материалах как синоним «заселения» и «хозяйственного освоения» (Колонизация Сибири..., 1900), в постсоветском научном дискурсе термин подчеркивает процессы экономического и политического присоединения Сибири (Суслов, 2008) в качестве ресурсной базы империи (Эткинд, 2013). Н.А. Баранцева рассматривает основные этапы земледельческой колонизации Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте формирования полиэтничности населения региона (Баранцева, 2009). М.В. Шиловский предлагает исследовать переселение в Сибирь в контексте реализации имперского проекта ликвидации полиэтничной специфики региона, который включал административно-территориальные управленческие решения, ассимиляцию инородцев и консолидацию сибирского социума (Шиловский, 2024). В концепции А.В. Ремнева Сибирь представлена как развивающееся пространство, которое правительство осваивает, усложняя административную систему управления, повышая результативность работы государственных органов, предлагая новые идеи для улучшения государственных и общественных институтов (Ремнев, 2015). О.М. Бобылева доказывает, что освоение Сибири осуществлялось в рамках государственной политики поддержки переселенцев. Государством была обследована 1/5 территории и проведено 98 почвенных экспедиций за 1908–1914 гг. с целью ввода новых сельскохозяйственных земель (Бобылева, 2023). А.И. Бакшеев, опираясь на теорию фронта, указывает на значение крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. для укрепления военно-политического присутствия России в регионе и продвижения единой государственности в противовес идеям сибирского областничества (Бакшеев, 2020: 134).

Процесс крестьянского переселения в повседневном аспекте демонстрировался К.А. Анкушевой. По материалам журнала «Сибирские вопросы» ею проанализирована неоднородность состава по этническому признаку и сословной принадлежности переселенцев,

проживающих в одном населенном пункте. Положительный образ Сибири, сформированный на основе рассказов ходоков, писем ранее отбывших родственников, мотивировал к переселению. Прибытие переселенцев в старожильческие общины Сибири иногда сопровождалось бытовыми противоречиями, трудностями интеграции и различием в ведении хозяйственной деятельности (Анкушева, 2022: 367). Разногласия между традиционным укладом старожилов и порядками переселенцев отмечает и А.К. Кириллов. Он указывает, что возникавшие до Столыпинской аграрной реформы конфликты имели конструктивный характер и являлись производительными, приводящими к обоюдовыгодному сотрудничеству (Кириллов, 2019).

В связи с широким использованием в научном дискурсе синонимичных понятий «миграция» и «переселение» отметим авторскую позицию применительно к социально-экономическому контексту конца XIX – начала XX вв. «Миграцией» подчеркивается передвижение различных социальных групп населения при наличии миграционных сетей и административно-организационных условий (принудительное переселение государственных крестьян, ссылка, служебная деятельность).

Политический аспект: миграционная политика. «Переселение» крестьян рассматривается применительно к движению крестьянских хозяйств на территорию Енисейской губернии с целью продолжения сельскохозяйственной деятельности и получения земельного надела. Оно представляется вариантом миграции, обладающей добровольно-принудительной спецификой и провоцирующей включение имперского аппарата: нормативно-правовое регулирование миграционных потоков, организацию экономической и иной помощи. Социально-экономический аспект: поиски лучших условий для хозяйственной деятельности, введение в эксплуатацию новых земель.

Одним из источников систематизированных данных являются Всеподданнейшие отчеты губернаторов. Роль Всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов, создаваемых на основе отчетов губернаторов, исследовалась в системе имперского управления, устанавливалось их значение для изучения экономического развития России, а также определялись политические аспекты бытования данных документов. Историками подробно проанализированы законодательные основы годовой отчетности губернатора, рассмотрена процедура работы с отчетами в правительстве и отдельных ведомствах (Минаков, 2016). Авторы данной статьи также приняли участие в процессе введения в научный оборот отчетов губернаторов Енисейской губернии (Nesterenko et al., 2020). Е.Л. Пономарева предприняла попытку реконструировать процессуальную сторону составления отчета генерал-губернатора Восточной Сибири (Пономарева, 2008). Н.П. Матханова и Н.Н. Родигина обратили внимание на репрезентативность отчетов, в которых представлен многокомпонентный образ региона: география и природа; экономическое, административное и культурное развитие; состав населения и его хозяйственная деятельность; вероисповедание; социальное поведение; специфика менталитета (Матханова, Родигина, 2019: 50). Т.А. Кискидосова, отмечая главным недостатком губернаторских отчетов неточность некоторых статистических данных, указала, что они (отчеты) содержат значительный информационный потенциал для изучения Восточной Сибири (Кискидосова, 2016: 51-52).

Исследователями часто используются губернаторские отчеты, однако их потенциал в качестве источника информации не до конца раскрыт. Значительно реже упоминаются Статистические обзоры по губернии, которые содержат предметные данные и являются естественным приложением к ним. Интерес представляют отчеты о переселенческом населении. Их изучение позволит более глубоко и подробно исследовать различные аспекты миграционной политики конца XIX – начала XX вв. Именно миграция выступила в указанный период стимулом усложнения не только хозяйственной деятельности, но и социально-политической и культурной обстановки. Наибольшие изменения относятся к территории Сибири, а частности к Енисейской губернии, которая получила человеческие ресурсы, необходимые для экономического и промышленного развития.

4. Результаты

В исторической науке, особенно советского периода, оформились концепции о целенаправленной колонизации (Огородников, 1924), включающей поощрение и/или принудительный характер переселения имперской властью (Смирнов, 1928: 5), а также присоединение и завоевание Сибири (Зуев, 1999). В качестве обоснования приводятся данные по реализации немногочисленных государственных программ (ссылка крестьян и помещиков, организация охраны государственной границы, военной колонизации и использование данной территории в качестве ссылки на жительство до 1900 г.). Согласно нормативно-правовым документам и информационным материалам, относящимся к деятельности государственных органов, даже в конце XIX – начале XX вв. государство не поощряло и не стимулировало переселение крестьян в Сибирь. Однако игнорировать масштабное народное движение за Урал различных категорий населения, преимущественно крестьянского, оно не могло. Государство было вынуждено повышать эффективность заселения Сибири и минимизировать негативные последствия данного процесса.

Так, до 1890-х гг. действовали запреты на распространение официальных сведений правительства о переселении. Только после создания Переселенческого управления в 1896 г. появились тематические рекомендации, в которых нередко содержалась недостоверная информация

о земельных наделах, дорожных трудностях и которые по причине низкой грамотности были недоступны многим крестьянам (Анкушева, 2022: 362). В информационном материале, распространяемом среди переселенцев за Урал и содержащем инструкции от Переселенческого Управления по переселению в Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, сказано, что при помощи новых законов Землеустроительная комиссия дает много способов желающим улучшить свое благосостояние на местах. Только тем, кто по каким-то причинам не может ими воспользоваться, указывается на возможность переселения. Отмечается, что это самое трудное и даже рискованное средство. Также обозначается позиция государственной власти, вынужденной принимать меры по данному вопросу: «Правительство никого не приглашает переселяться, а только заботится о том, чтобы оказать возможную помощь решившимся на это трудное дело» (Переселение за Урал..., 1908: 8-9). В отчетах по переселению и землеустройству приводились исторические справки о переселенческом движении. В них подчеркивалось хронологическое первенство вольной колонизации перед правительственной, говорилось о том, что покорение Сибири открыло доступ к свободным и привольным землям и положило начало народного движения за Урал. В свою очередь, имперская власть приступила к организации переселенческого движения в административном порядке только в 1885 г., а в законодательном – в 1889 г., а в Енисейской губернии – фактически с 1893 г.

Значимая роль отводилась Комитету Сибирской железной дороги, который занимался подготовкой переселенческого движения, а именно административными вопросами, разработкой временных правил для образования переселенческих участков, подготовкой смет и т. д. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 1. Л. 53-67; Переселение и землеустройство за Уралом..., 1911).

В отчетах губернатора Енисейской губернии В.И. Копылова от 1841 г. впервые появляется пункт о новых поселениях казенных или помещичьих крестьян, согласно которому новые поселения за отчетный период не создавались. Однако данные по уже имеющимся поселениям также отсутствуют. Зато приведены подробные сведения об успехах поселений ссыльных (ЦГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 112. Л. 3). Важно уточнить, что губернаторами использовался термин «водворенные», подчеркивающий юридический статус сосланных, который отличался от сосланных на житье, поселение и каторжные работы. Поселенцы, прибывшие добровольно с целью ведения хозяйственной деятельности, именовались «переселенцами». В отчете губернатора Енисейской губернии П.Н. Замятина от 1866 г. указывалась численность «переселенцев из западного края» в количестве 502 чел. Уточнений относительно мест прибытия, а также относительно сословного, имущественного и хозяйственного характера не приводилось. Можно предположить, что губернатором П.Н. Замятиным были посчитаны именно переселенцы из Европейской России (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 70. Л. 6). В 1894 г. в «Ведомостях о движении населения» «водворенными» стали именоваться зачисленные переселенцы, в отличие от проходящих через губернию (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 2).

При достаточно подробном перечислении сведений относительно демографической ситуации и хозяйственной деятельности сосланных вольные переселенцы не представляли особого интереса до середины 1890-х гг. В качестве причин можно обозначить следующие факторы. Первое – относительная немногочисленность переселенцев. Енисейский губернатор Л.К. Теляковский в отчете за 1891 г. отметил, что прирост населения губернии осуществлен помимо преобладания рождений над смертью и ссылки за счет добровольного переселения – «пришлых из Европейской России». В контексте строительства Сибирской железной дороги губернатор выразил надежду в увеличении потока переселенцев из Европейской России, которые способствовали бы развитию сельского хозяйства. Также он выразил озабоченность проведением соответствующих подготовительных работ, например, по межеванию земли: «Пока переселение в губернии незначительно ... можно предполагать, что ... будет недостаток в заранее обмежованных для поселения участков земли и в знании годности их для этой цели, настолько чтобы не поселить ошибочно на неудобных землях; последнее обстоятельство может окончательно подорвать благосостояние переселенца, если таковое было, и его энергию» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3956. Л. 9-10). Второе – отсутствие до 1892 г. административных структур и соответствующего правового и организационного регулирования. В 1892 г. иркутский генерал-губернатор распорядился открыть временный Переселенческий комитет в Енисейской губернии, в котором заметную роль играла красноярская общественность. Членами комитета осуществлялись регистрация переселенцев и организация приемных пунктов. Работа проводилась в рамках благотворительности. Уже в следующем году заработали временные четыре должности чиновников особых поручений на средства вспомогательного фонда Комитета Сибирской железной дороги, начали функционировать межевые партии для нарезания земельных наделов, стали формироваться переселенческие и запасные участки (Список переселенческих..., 1912). Первоначально делами переселенцев занимались волостные правления (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-6). Системный документооборот (предписания, донесения и прошения крестьян) чиновников особых поручений при иркутском генерал-губернаторе стал вестись с августа 1895 г. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 4. Л. 3).

В отчете 1894 г. губернатором Л.К. Теляковским уже подробно представлена информация об организации переселения, включающая сведения о деятельности двух восточно-сибирских партий межевых чинов по образованию из казенных земель переселенческих и запасных участков вдоль

линии Сибирской железной дороги на основании утвержденного иркутским генерал-губернатором плана. На выделенных 89 участках предполагалось поселение до 20 тыс. чел. Около 1 500 семей, 5-9 тыс. чел., водворились на территорию Енисейской губернии, получив земельные наделы, или были направлены в старожильческие поселения. Около 200 семей получили ссуду на обзаведение хозяйством в общем размере до 30 тыс. руб. В 1895 г. действовали уже четыре переселенческих врачебно-питательных пункта, обладающие амбулаториями и кухнями-столовыми. Их силами осуществлялась регистрация переселенцев (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5448. Л. 20-21). В отчете за 1896 г. подчеркивалось, что переселение обуславливает быстрый искусственный прирост населения, возросшего особенно после открытия губернии для свободного переселения. Заселение многоземельной Енисейской губернии напрямую зависит от переселенческого движения (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 108. Л. 2).

Однако, несмотря на рост переселенческого движения, государственная власть продолжала учитывать именно ссыльных всех категорий, а также пришедших со ссыльными по воле, а крестьян-переселенцев указывать как сельское сословие. В ведомостях Статистических обзоров данные по водворенным приводятся с 1896 г. В Статистическом обзоре Енисейской губернии за 1896 г. включена глава, посвященная переселенческому движению и его организации с указанием сведений, касающихся материального положения переселенцев. Данные по численности приводились в ведомостях о движении переселенцев по округам (Статистический обзор..., 1897: 50-53). Только в отчете за 1897 г., составленном в 1902 г., губернатор М.А. Плещ отдельно указал численность переселенцев, поселившихся в Енисейской губернии в течение отчетного периода (4045 чел. обоего пола), а также привел данные по самовольным переселенцам до 1898 г. (около 6 940 семей, примерно 40 792 чел. обоего пола) (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 201. Л. 2. Л. 8). Подробные данные, из каких губерний прибывали переселенцы и в каких волостях губернии селились, были представлены в Статистическом обзоре за 1897 г. (Статистический отчет ... 1897, 1898: 49-52).

Подробные сведения о переселенцах в Енисейской губернии собирались местными чиновниками. Так, согласно циркулярам заведующего переселением и землеустройством в Енисейской губернии, в 1913 г. ежемесячно запрашивались данные по подрайонам, волостям и участкам. Эти данные относились к земельным наделам, характеру прибытия (по проходным свидетельствам, паспортам или самовольно), численности переселенцев и губерний прибытия, водворению в старожильческие селения, количеству выхода из Енисейской губернии, а также количеству и размеру ссуд и безвозвратных пособий из кредитов Переселенческого Управления. Отдельно заведующими переселением и землеустройством в губернии собирались сведения по переселенцам, членам их семей, об их имущественном положении и хлебопашестве (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1).

Увеличивающийся поток переселенцев из Европейской России приводил к возникновению ряда проблем, решением которых занималась местная губернская власть, функционирующая как отдел водворения и устройства переселенцев и сталкивающаяся со следующими трудностями. Первая трудность – повышение плотности населения и его неравномерное распределение по округам губернии. Несмотря на обширные территории, вводимые в эксплуатацию, приток переселенцев спровоцировал «утеснение», которое усугубили традиционно сложившиеся нерациональное пользование земельными ресурсами и отсутствие широкого внедрения сельскохозяйственной техники. Земельные участки отводили с запасом. Так, на 1898 г. запланированы участки на 14 966 мужчин, а водворившихся было 9 248 мужчин, до 1899 г. – 11 315 мужчин (Статистический обзор..., 1890: 48-53). Однако переселенцы предпочитали селиться на более благоустроенных территориях, близких к логистическим сетям, отказываясь от таежных пространств (ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 9. Л. 63). К 1909 г. пространства южнее р. Ангара были все обследованы научными почвенно-ботаническими экспедициями. При этом в результате уточнения оказалось, что по Чуно-Ангарскому таежному округу следует считать до 90 тыс. десятин земель «очень трудными» и только 7 тыс. десятин – «средней трудности». Недостаток земли, удобной и пригодной для земледелия, стимулировал организацию экспедиций на северо-запад губернии (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 21. Л. 7). В свою очередь, густота населения и наступающее «утеснение» в таких местностях (Красноярский уезд) провоцировали введение большее тщательного земледелия (Статистический обзор..., 1898: 2). Вторая трудность – обеспечение инфраструктурой. Возникла необходимость строительства школ, церквей и больниц (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 555. Л. 7). В отчете за 1906 г. губернатор А.Н. Гирс, указывая на возникшее по причине Русско-японской войны сокращение финансирования землеустройства и кредитования переселенческого движения, наибольшую озабоченность выразил в отношении неудовлетворенности духовных потребностей переселенцев, обусловленной невозможностью посещать церкви и исполнять христианские потребности. Такая ситуация провоцирует у переселенцев ощущение чуждости территории при общении с инородцами, способствует их нравственному разложению (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 404. Л. 1). Только в 1907 г. началась систематическая работа по строительству переселенческих дорог. С 1908 г. проводились гидротехнические обследования и учреждались в отдаленных местностях торговые фактории. Открытие новых районов заселения предполагало организацию медицинской и агрономической

помощи, а также создание культурной обстановки, без которой «едва ли дело заселения и хозяйственного развития заселяемых местностей может совершаться со сколько-нибудь удовлетворительным успехом» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 3-4). Третья трудность – снижение обратного переселения и закрепление уже прибывших в губернии. Губернатор М.А. Плец в отчете за 1900 г. указал на недостаток материальных средств. Большинству переселенцев недостаточно 100-рублевого пособия, выдаваемого правительством для подспорья в хозяйстве в течение двух-трех лет. Данное подспорье преимущественно тратилось на продовольствие, в результате чего при истечении льготного периода по платежам переселенцы все еще оставались неустроенными. Губернатор предлагал либо увеличить размер пособия, либо не допускать к переселению из Европейской России тех, кто не обеспечен материально (ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 555. Л. 6-7). Успешность решения этой проблемы во многом зависела от работы местных чиновников и от организации всего переселенческого процесса на местах. Зарплата чиновника по особым поручениям Переселенческого управления, заведующего пойменским подрайоном Н.И. Педашенко в 1913 г. была поднята после удовлетворения его прошений с 1 600 руб. до 2 187 руб. 50 коп. в год (ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 6. Л. 12. Л. 19). Отчетные сведения обобщенного характера о ходе зачисления и водворения переселенцев предоставлялись в виде ответов на следующие вопросы: какие меры принимались для облегчения переселенцам, каковы причины оставления ими участков и ухода на родину; как устроились отказавшиеся от водворения на зачисленных участках переселенцы; насколько от такого зачисления можно ожидать прочного оседания, насколько доступна врачебная помощь; насколько удовлетворяются религиозно-нравственные потребности и др. (ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 9. Л. 62-67).

5. Заключение

В исследованиях безопасности миграция представляется угрозой, способной нарушить культурную и социальную идентичности местного населения из-за ее периферийной, дестабилизирующей среды. Во второй половине XIX в. актуализируются проблемы малоземелья крестьянства и неэффективного использования земельных наделов в густонаселенной Европейской России. Это провоцирует рост социального напряжения и обнищание крестьянских хозяйств. Перераспределение человеческого капитала выступило одной из мер решения данной проблемы. На первоначальном этапе эта мера не поощрялась имперской властью, но получила поддержку со стороны местных сибирских властей. Так, при наличии рекомендации к обратной отправке самовольно прибывших переселенцев власти Енисейской губернии обеспечивали их земельным наделом. Несмотря на возникающие трудности размещения, межрегиональная миграция воспринималась ресурсом для конструктивного экономического развития. Особенно ярко выражалась данная позиция в сравнении со ссыльными, зачастую провоцирующими социально-политическое напряжение и падение морального облика местного населения.

Литература

- Анкушева, 2022 – Анкушева К.А. Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века: по материалам журнала «Сибирские вопросы» // *Научный диалог*. 2022. № 4, т. 11. С. 357-377. С. 367. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377
- Бакшеев, 2020 – Бакшеев А. И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX – XX веков // *Известия лаборатории древних технологий*. 2020. № 2(35), т. 16. С. 130-140. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140>
- Баранцева, 2009 – Баранцева Н.А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: этносоциальные и демографические аспекты // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 38 (176). С. 33-40.
- Белянин, 2014 – Белянин Д.Н. Факторы крестьянских переселений в Сибирь на рубеже во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 100-107.
- Бобылева, 2023 – Бобылева О.М. Сельскохозяйственное освоение Сибири и «Дикого Запада»: сравнительный анализ // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. № 1 (46). Т. 19. С. 129-136. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136>
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Зуев, 1999 – Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
- Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общая польза». 1905. 349 с.
- Кириллов, 2019 – Кириллов А.К. Столкновение переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе Столыпинского переселения: функции социального конфликта // *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. № 4. С. 625-639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639

- Кискидосова, 2016** – Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 50-53. DOI: 10.17223/15617793/412/8
- Колонизация Сибири..., 1900** – Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. выст. 1900 г. в Париже. Ком. Сиб. ж. д. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1900. 375 с.
- Матханова, Родигина, 2019** – Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 1. С. 45-51. DOI: 10.15372/HSS20190108
- Минаков, 2016** – Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2(38). С. 5-24. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1
- Огородников, 1924** – Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск: тип. Штаба военного округа, 1924. Ч. 2. Завоевание русскими Сибири. 108 с.
- Переселение и землеустройство..., 1911** – Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910. Спб.: Тип. М. П. Фроловой, 1911–1916, 1911. 501 с.
- Переселение за Урал ..., 1908** – Переселение за Урал в 1908 году: справочная книжка с картой заселяемых переселенцами местностей и железных дорог Азиатской России. Тюмень. Вып. 41. 1908. 159 с.
- Пономарева, 2008** – Пономарева Л.П. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50-80-е гг. XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-1. С. 112-115.
- Ремнев, 2015** – Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. 2015. 580 с.
- Смирнов, 1928** – Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 2. Учреждение Енисейской губернии. Население и колонизация в XIX веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке. Красноярск, 1928. 47 с.
- Список переселенческих..., 1912** – Список переселенческих и запасных участков, образованных в Енисейской губернии с 1893 по 1911 год включительно. К карте Енисейской губернии, составленной чинами Енисейской землеотводной партии. Красноярск: Типо-литография М. Я. Кохановской. 1912. 49 с.
- Статистический обзор..., 1890** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1889 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1890.
- Статистический обзор..., 1897** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1896 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1897.
- Статистический обзор..., 1898** – Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 год. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1898.
- Суслов, 2008** – Суслов В.И. Сибирь – Российская колония // *Вестник НГУЭУ*. 2008. № 1. С. 172-190.
- Троянская, 2021** – Троянская М.А. Миграция населения: понятия, виды и значения для территорий // *Азимут научных исследований. Экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 356-360. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0077
- ЦГИА** – Центральный государственный исторический архив.
- Чуркин, 2014** – Чуркин М. К. «Неудобный класс»: крестьянство в переселенческом движении в Сибирь (вторая половина XIX – начало XX века) // *Историческая психология и социология истории*. 2014. Т.7. № 2. С. 109-116.
- Шиловский, Шиловский, 2024** – Шиловский М.В., Шиловский Д.М. Роль переселений в нивелировке окраинного статуса Сибири в XVIII – начале XX в. // Гришаевские чтения: мат. VI Международной научной конференции. Красноярск, 2024. С. 111-114.
- Эткинд, 2013** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Balzacq, 2008** – Balzacq T. The policy tools of securitization: Information exchange, EU foreign and interior policies // *Journal of Common Market Studies*. 2008. № 46. Pp. 75-100.
- Demont, 2022** – Demont T. Coping with shocks: How Self-Help Groups impact food security and seasonal migration // *World Development*. 2022. Vol. 155, July 2022, 105892. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.105892
- Emmers, 2019** – Emmers R. Securitization // *Contemporary Security Studies*. Ed. A. Collins. Oxford University Press, 2019. Pp. 173-187.
- Fussell et al., 2014** – Fussell E., Hunter L., Gray C. Measuring the environmental dimensions of human migration: The demographer's toolkit // *Global Environmental Change*. 2014. Vol. 28. Pp. 182-191. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.07.001
- Heisler, Layton-Henry, 1993** – Heisler M. O., Layton-Henry Z. Migration and the links between social and societal security // *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. 1993. Pp. 148-166.
- Klumberg, 1914** – Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien. Zürich: Gebr. Leemann, 1914. 124 p.

Nesterenko et al., 2020 – Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T. V., Khait N. L. Governor's reports to the supreme name of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries: source criticism capability // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 613-622. DOI: 10.13187/bg.2024.2.613

Piezonka et al., 2020 – Piezonka H., Poshekhonova O., Adaev V., Rud A. Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia // *Quaternary International*. 2020. Vol. 541. Pp. 189-203. DOI: 10.1016/j.quaint.2019.07.005

References

Ankusheva, 2022 – Ankusheva, K.A. (2022). Krest'yanskoe pereselenie v Sibir' v nachale XX veka: po materialam zhurnala «Sibirskie voprosy» [Peasant Resettlement in Siberia at Beginning of 20th Century (Materials of Siberian Questions Journal)]. *Nauchnyi dialog*. 11(4): 357-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377 [in Russian]

Baksheev, 2020 – Baksheev, A.I. (2020). Teoriya frontira i pereselenie krest'yan v Sibir': nauchnaya traktovka gosudarstvennoj politiki XIX – XX vekov [Theory of the Frontier and the resettlement of peasants to Siberia: a scientific interpretation of the state policy of the XIX-XX centuries]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. T. 16. 2(35): 130-140. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-130-140> [in Russian]

Balzacq, 2008 – Balzacq, T. (2008). The policy tools of securitization: Information exchange, EU foreign and interior policies. *Journal of Common Market Studies*. 46: 75-100.

Baranceva, 2009 – Baranceva, N.A. (2009). Pereselenie v Enisejskuyu guberniyu vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: etnosocial'nye i demograficheskie aspekty [Resettlement to the Yenisei province in the second half of the XIX-beginning of the XX century: ethnosocial and demographic aspects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 38(176): 33-40. [in Russian]

Belyanin, 2014 – Belyanin, D.N. (2014). Faktory krest'yanskih pereselenij v Sibir' na rubezhe vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Factors of peasant migrations to Siberia at the turn of the second half of the XIX-early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 378: 100-107. [in Russian]

Bobyleva, 2023 – Bobyleva, O.M. (2023). Sel'skohozyajstvennoe osvoenie Sibiri i «Dikogo Zapada»: sravnitel'nyj analiz [Agricultural development of Siberia and the “Wild West”: a comparative analysis]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij*. T. 19. 1(46): 129-136. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-1-129-136> [in Russian]

TsGIA – Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Central State Historical Archive].

Churkin, 2014 – Churkin, M.K. (2014). «Neudobnyj klass»: krest'yanstvo v pereselencheskom dvizhenii v Sibir' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [“Inconvenient class”: the peasantry in the migration movement to Siberia (the second half of the XIX-beginning of the XX century)]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. T. 7. 2: 109-116. [in Russian]

Demont, 2022 – Demont, T. (2022). Coping with shocks: How Self-Help Groups impact food security and seasonal migration. *World Development*. 155, July, 105892. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.105892

Emmers, 2019 – Emmers, R. (2019). Securitization. *Contemporary Security Studies*. Ed. A. Collins. Oxford University Press, pp. 173-187.

Etkind, 2013 – Etkind, A. (2013). Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Per. s angl. V. Makarova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Fussell et al., 2014 – Fussell, E., Hunter, L., Gray, C. (2014). Measuring the environmental dimensions of human migration: The demographer's toolkit. *Global Environmental Change*. 28: 182-191. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.07.001

GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State Archive of the Irkutsk region].

GAKK – Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Heisler, Layton-Henry, 1993 – Heisler, M.O., Layton-Henry, Z. (1993). Migration and the links between social and societal security. Identity, migration and the new security agenda in Europe, pp. 148-166.

Kaufman, 1905 – Kaufman, A.A. (1905). Pereselenie i kolonizaciya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshchaya pol'za», 349 p. [in Russian]

Kirillov, 2019 – Kirillov, A.K. (2019). Stolknovenie pereselencev i starozhilov v Sibiri nakanune i v hode Stolypinskogo pereseleniya: funkcii social'nogo konflikta [Clash of migrants and old-timers in Siberia on the eve and during the Stolypin resettlement: functions of social conflict]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. T. 20. 4: 625-639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639 [in Russian]

Kiskidosova, 2016 – Kiskidosova, T.A. (2016). Gubernatorskie godovye otchety kak istochnik po izucheniyu gorodskogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v 1850–1880-e gg. [Gubernatorial Annual Reports as a source for studying the urban population of Eastern Siberia in the 1850–1880-ies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 412: 50-53. DOI: 10.17223/15617793/412/8 [in Russian]

Klumberg, 1914 – Klumberg, W. (1914). Die Kolonisation Rußlands in Sibirien. Zürich: Gebr. Leemann, 24 p.

- Kolonizatsiya Sibiri..., 1900** – Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom, 1900 [Colonization of Siberia in connection with the general migration]. *Vsemir. vyst.* 1900 g. v Parizhe. Kom. Sib. zh. d. SPb.: Kancelyariya Kom. ministrov, 375 p. [in Russian]
- Mathanova, Rodigina, 2019** – *Mathanova, N.P., Rodigina, N.N.* (2019). Vsepoddannejshie otchety kak istochnik predstavlenij sibirskih general-gubernatorov vtoroj poloviny XIX stoletiya o regione [Humbly reports as a source of representations Siberian General-governors second half of the nineteenth century, the region]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. T. 26. 1: 45-51. DOI: 10.15372/HSS20190108 [in Russian]
- Minakov, 2016** – *Minakov, A.S.* (2016). Vsepoddannejshie otchety gubernatorov Rossijskoj imperii: sovremennye problemy istoriografii [The most recent reports of the governors of the Russian Empire: modern problems of historiography]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2(38): 5-24. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-1 [in Russian]
- Nesterenko et al., 2020** – *Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluchenko, T.V., Khait, N.L.* (2024). Governor's reports to the supreme name of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries: source criticism capability. *Bylye Gody*. 19(2): 613-622. DOI: 10.13187/bg.2024.2.613 [in Russian]
- Ogorodnikov, 1924** – *Ogorodnikov, V.I.* (1924). Oчерk istorii Sibiri do nachala XIX stoletiya [Essay on the history of Siberia until the beginning of the XIX century]. Irkutsk: tip. Shtaba voennogo okruga. Ch. 2. Zavoevanie russkimi Sibiri, 108 p. [in Russian]
- Piezonka et al., 2020** – *Piezonka, H., Poshekhonova, O., Adaev, V., Rud, A.* (2020). Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia. *Quaternary International*. 54: 189-203. DOI: 10.1016/j.quaint.2019.07.005
- Pereselenie i zemleustrojstvo..., 1911** – Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1906–1910 gg. Otchet po pereseleniyu i zemleustrojstvu za 1910 [Resettlement and land management beyond the Urals in 1906-1910. Report on Resettlement and land management for 1910]. SPb.: Tip. M. P. Frolovoj, 1911–1916, 1911, 501 p. [in Russian]
- Pereselenie za Ural..., 1908** – Pereselenie za Ural v 1908 godu: spravochnaya knizhka s kartoj zaselyaemyh pereselencami mestnostej i zheleznyh dorog Aziatskoj Rossii. Tyumen'. Vyp. 41. [Resettling beyond the Urals in 1908: a reference book with a map of the areas and railways of Asian Russia inhabited by settlers] 1908. 159 p. [in Russian]
- Ponomareva, 2008** – *Ponomareva, L.P.* (2008). Vsepoddannejshie otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoj Sibiri (50-80-e gg. XIX v.) [The most recent reports of the Governors-General as a source on the history of Eastern Siberia (50s-80s. 19th century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1: 112-115. [in Russian]
- Remnev, 2015** – *Remnev, A.V.* (2015). Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vekov. [Siberia in the Imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta im. F.M. Dostoevskogo, 580 p. [in Russian]
- Shilovskij, Shilovskij, 2024** – *Shilovskij, M.V., Shilovskij, D.M.* (2024). Rol' pereselenij v nivelirovke okrainnogo statusa Sibiri v XVIII – nachale XX v. [The role of migration in leveling the marginal status of Siberia in the XVIII-early XX centuries]. *Grishaevskie chteniya: mat. VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Krasnoyarsk, pp. 111-114. [in Russian]
- Smirnov, 1928** – *Smirnov, V.A.* (1928). Istoricheskij oчерk Prienisejskogo kraja. Ch. 2. Uchrezhdenie Enisejskoj gubernii. Naselenie i kolonizaciya v XIX veke, hozyajstvennaya evolyuciya Prienisejskogo kraja v XIX veke [Historical sketch of the Yenisei region. H. 2. Establishment of the Yenisei province. Population and colonization in the XIX century, economic evolution of the Yenisei region in the XIX century]. Krasnoyarsk, 47 p. [in Russian]
- Spisok pereselencheskih..., 1912** – Spisok pereselencheskih i zapasnyh uchastkov, obrazovannyh v Enisejskoj gubernii s 1893 po 1911 god vklyuchitel'no. K karte Enisejskoj gubernii, sostavlennoj chinami Enisejskoj zemleotvodnoj partii [List of resettled and spare land plots formed in the Yenisei province from 1893 to 1911 inclusive. To the map of the Yenisei province compiled by the ranks of the Yenisei Land Acquisition Party]. Krasnoyarsk: Tipo-litografiya M. Ya. Kohanovskoj, 1912. 49 p. [in Russian]
- Statisticheskij obzor..., 1890** – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1889 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1889]. Krasnoyarsk : Enis. gub. elektro-tip. 1890. [in Russian]
- Statisticheskij obzor..., 1897** – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1896 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1896]. Krasnoyarsk: Enis. gub. elektro-tip. 1897. [in Russian]
- Statisticheskij obzor..., 1898** – Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii. za 1897 god [Statistical review of the Yenisei Province. for 1897]. Krasnoyarsk: Enis. gub. elektro-tip. 1898. [in Russian]
- Suslov, 2008** – *Suslov, V.I.* (2008). Sibir' – Rossijskaya koloniya [Siberia-Russian colony]. *Vestnik NGUEU*. 1: 172-190. [in Russian]
- Troyanskaya, 2021** – *Troyanskaya, M.A.* (2021). Migratsiya naseleniya: ponyatiya, vidy i znacheniya dlya territorij [Migration of the population: concepts, types and values for territories]. *Azimut nauchnyh issledovanij. Ekonomika i upravlenie*. T. 10. 2(35): 356-360. DOI: 10.26140/anie-2021-1002-0077
- Zuev, 1999** – *Zuev, A.S.* (1999). Harakter prisoedineniya Sibiri v novejshej otechestvennoj istoriografii [The nature of the annexation of Siberia in the newest national historiography]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij*. Vyp. 1. Kul'turnyj kosmos Evrazii. Novosibirsk, pp. 124-136. [in Russian]

**Переселенческое движение в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.
(по материалам отчетов губернаторов Енисейской губернии)**

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, b, *}, Денис Николаевич Гергилев ^{a, b},
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Дарья Николаевна Нестеренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Изучение миграции как исторического феномена способствует сохранению исторической преемственности и использованию накопленного опыта для обеспечения государственной безопасности. Цель исследования – определить отношение государственной власти на имперском и губернском уровнях к миграции (переселению) в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. на примере Енисейской губернии. Исследование опирается на архивные материалы, исторические документы и опубликованные статистические данные. Методологическая основа включает теорию аграрной колонизации (Д.Н. Белянин), учитывает обозначенные ею причины переселенческого движения крестьян Европейской России в Сибирь. Хронологические этапы миграционной политики применительно к Енисейской губернии были обозначены проблемно-хронологическим методом: административный – до 1889 г.; законодательный – до 1892 г.; региональный – до 1917 г. Миграционные потоки в Енисейской губернии рассматривались в рамках историко-системного подхода. Причинами административно-организационного отсутствия сбора и анализа сведений о переселенцах до середины 1890-х гг. являлись следующие факторы. Первое – относительная немногочисленность переселенцев в Енисейскую губернию. Второе – отсутствие соответствующих нормативно-правовых требований до 1893 г. Только в начале XX в. губернаторы стали указывать в своих ежегодных Всеподданнейших отчетах обобщенные данные по численности переселенцев. Даже самовольные переселенцы обеспечивались земельными наделами и получали поддержку от местных властей. Губерния была заинтересована в увеличении крестьянского населения, что, как следствие, должно было способствовать экономическому развитию. Однако увеличивающийся поток переселенцев провоцировал ряд трудностей: неравномерное распределение крестьян, которое сопровождалось утеснением в наиболее плодородных округах и отказом от традиционного для старожилов землепользования. Возникновение отдаленных от логистических путей поселений актуализировало вопросы обеспечения школами, больницами, магазинами и церквями. Принятие различных мер местной властью было направлено на снижение обратного переселения и на помощь в обзаведении крепким хозяйством.

Ключевые слова: миграция, переселение в Сибирь, водворение, переселенческое дело, отчеты губернаторов, Енисейская губерния.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)